

Глава 36. Топор Синтяня (IV)

Над головой клубились чернильные тучи. Гору Чанъян окутывало ледяное дыхание небытия, и каждый шаг здесь будил в глубине души смутный, безотчетный страх близкой смерти, от которого невозможно было отмахнуться.

Шэнь Цинчжоу шёл впереди. Ступал он мягко, почти невесомо, опасаясь потревожить дремлющее в этих высях грозное божество. Меч Влекущий Тень покинул ножны на три цуня; его мерцающее, призрачное сияние окутывало путника невидимым доспехом, оберегая душу от тлетворного влияния горы.

Мэн Сю же, верный своей взбалмошной натуре, шагал напролом, вальяжно и разболтанно. И всё же суровое воспитание благородного наследника давало о себе знать: даже в этой небрежной, вихляющейся походке угадывалось врождённое изящество.

— Хороша всё-таки божественная утварь, — протянул Мэн Сю, потирая переносицу. Он буквально прикипел взглядом к клинку.

— С чего такие мысли, Цзыци? — спросил Шэнь Цинчжоу, не поворачивая головы и чутко прислушиваясь к шорохам.

— В своё время я постигал Метод Созерцания Луны, — лениво отозвался Мэн Сю. — Призывал лунное сияние в саму душу, чтобы укрепить дух. А вам, дядюшка Шэнь, как хранителю великого артефакта, подобные труды ни к чему. Оружие само бережёт разум хозяина, избавляя от нужды зубрить заговоры.

Мэн Сю три года питал своей духовной силой топор Синтяня. И единственным искусством, которое он не забрасывал всё это время, оставался Метод Созерцания Луны — тайное учение Поместья Чистой Святости. Разумеется, теперь он и сам обрёл статус духовного владыки, но топор Синтяня ковался ради убийства и разрушения, и его способность оберегать душу владельца сильно уступала мягкой защите Меча Влекущего Тень.

— И всё же я полагаю, что даже под сенью божественной силы пренебрегать закалкой духа нельзя, — возразил Шэнь Цинчжоу. — Тот же твой метод... Созерцая двенадцать ликом луны, ты делаешь разум чистым, словно зеркало, способное рассеять любой морок. А на вершине мастерства твоя духовная энергия начинает повиноваться приливам и отливам светила. В этот миг искусство перерастает рамки обычного укрепления духа.

Шэнь Цинчжоу лишь пытался деликатно напомнить легкомысленному юнцу, что любое оружие — лишь костыль, а истинное могущество куётся внутри. Искать лёгких путей в бессмертии — гиблое дело.

Однако Мэн Сю уловил в его словах совсем иное. Он посмотрел ледяным взглядом.

«Шэнь Цинчжоу прав... слишком прав. Но откуда ему знать такие тонкости?»

Юноша перевёл тяжёлый взор с меча на открытую шею Шэнь Цинчжоу. Шаг его едва заметно ускорился. Полшага вперёд — и он окажется на идеальной дистанции для смертельного удара.

— Дядюшка Шэнь, — вкрадчиво, без единой фальшивой ноты в голосе позвал он. — Вы, я гляжу, на редкость хорошо осведомлены о тайнах нашей обители?

— Вовсе нет, — спокойно отозвался тот, не оборачиваясь.

— То, что созерцание двенадцати фаз луны рушит внутренние преграды — секрет полишинеля, — тихо проговорил Мэн Сю. — Но лишь тот, кто продрался к самым вершинам этого искусства, способен ощутить, как духовные каналы подчиняются великому приливу.

Этого нюанса не было ни в одном свитке современной библиотеки. Сам Мэн Сю дошёл до истины наощупь, после чего неделями пылился в архивах, пока не отыскал самый первый, рукописный подлинник учения.

Насколько он знал, Шэнь Цинчжоу никогда не знался с затворниками Поместья Чистой Святости. Откуда же тогда эта ясность?

Сырой, промозглый ветер колыхал их одежды. Молодой наследник сощурил свои миндалевидные глаза, в которых вспыхнул опасный, хищный огонёк.

Шэнь Цинчжоу ощутил странное покалывание в затылке, будто туда нацелили острие иглы, но списал всё на ледяной сквозняк. Он повыше поправил воротник и простодушно ответил:

— Мой учитель в своё время тоже постигал это искусство. Сам он меня ему не обучал, но частенько рассуждал вслух о его тонкостях.

Учитель главы Терема? Но это же...

— Старый глава Цинь! — от неожиданного крика Мэн Сю Шэнь Цинчжоу даже вздрогнул.

Юноша в три прыжка обогнал его и преградил дорогу. От былой настороженности не осталось и следа — он сиял чистейшим, детским восторгом.

— Великий Цинь И изучал наш Метод Созерцания Луны?! И что же... что же он о нём говорил?!

Старый патриарх Цинь И по праву считался сильнейшим практиком Поднебесной. О его

юности ходили легенды. Поговаривали, будто в один прекрасный день он в одиночку, с одним лишь мечом, двинулся с юго-востока на северо-запад и за сутки разгромил двадцать семь великих орденов. Двадцать седьмым на его пути стоял монастырь Нинъюнь в Дуньхуане. Цинь И добрался туда уже затемно, и тамошний настоятель, смекнув что к чему, поспешил выставить гостю роскошный поздний ужин. Лишь это и спасло обитель от полного разгрома.

Шэнь Цинчжоу мог бы подтвердить: это вовсе не досужие вымыслы. Учитель действительно питал непреодолимую слабость к нежной тушёной баранине, которой славился монастырь. Наевшись от пуза, старик просто устыдился крушить мебель и бить гостеприимных хозяев.

После того похода ещё лет двадцать весь мир совершенствующихся бледнел при одном упоминании имени Цинь И. Доходило до смешного: на великом турнире мечников у горы Лушань несколько почтенных старейшин, славившихся своим невозмутимым, поистине даосским спокойствием, чуть не повалились со стульев, едва прослышав, что на гору поднимается делегация семьи Цинь.

Страх утих лишь тогда, когда бразды правления перешли к Цинь Жую, и окончательно сошёл на нет с появлением на небосклоне гения Мэн Сю.

Все решили, что старый монстр наконец отошёл от мирских дел и канул в безвестность, уступая сцену зелёному юнцу из Поместья Чистой Святости. Но судьба сыграла злую шутку: Мэн Сю лишился сил, а «новые волны» оказались слишком жидкими, чтобы сдвинуть матёрого титана. Цинь И не просто отказался помирать в безвестности — он продолжал со вкусом и издевательски колесить по миру.

И пока старейшины орденов в бессильной злобе скрежетали зубами, не смея перечить грозной силе патриарха, они и не подозревали, что их хвалёный преемник Мэн Сю тайно преклонялся перед этим несносным стариком.

Стоило юноше узнать, что Цинь И изучал их семейный метод, как все вопросы о том, как тайное писание попало в чужие руки, вылетели у него из головы. Его волновало лишь одно — вердикт кумира.

— Учитель говаривал так, — припомнил Шэнь Цинчжоу. — «Созерцать луну, дабы очистить разум — всё равно что глядеться в зеркало, поправляя платье. Метод этот глубок и таит в себе мириады истин. Однако коли не постигнет ищущий сути Инь и Ян, коли не доберётся до корней самого Великого Дао, любое, даже самое затейливое учение неизбежно вырождается в пустое ремесло».

На самом деле старик выразился куда грубее и непечатнее, но из уважения к чувствам стоявшего перед ним наследника Шэнь Цинчжоу предпочёл сгладить углы.

У клана Цинь имелось собственное учение — Метод Спокойных Вод, основанный на мудрости о том, что глубокая река течёт без шума. Он даровал покой мыслям и закалял душу.

Корни его уходили в древний Трактат Безбрежного Океана — искусство столь сложное, что предки отказались от него ещё несколько веков назад. Впрочем, Метод Спокойных Вод порой давал сбои, и тогда старейшинам приходилось вновь обращаться к истокам, благодаря чему древний трактат так и не канул в небытие.

— Наш метод предки действительно воссоздали по обрывкам какого-то утерянного божественного писания, — без тени обиды, с благоговением произнёс Мэн Сю. — Какая честь... Если судьба позволит, я сочту за великое счастье принять старого патриарха в Цзоучэне. Всё Поместье Чистой Святости сойдёт с ума от радости!

— Увы, мне неведомо, под какими небесами сейчас обретается учитель, — мягко уклонился от обещания Шэнь Цинчжоу. — Но коли он заглянет на Пэнлай, я непременно передам ему твои слова.

— Моя глубочайшая благодарность, глава Терема! — в порыве чувств Мэн Сю отвесил Шэнь Цинчжоу низкий, почтительный поклон.

— Полно тебе, — всполошился тот, поспешно удерживая упрямого юношу за плечи. — Оставим эти разговоры. Гляди, туман впереди редет. Должно быть, мы у цели. Держи ухо остро.

Мэн Сю мгновенно утратил ребячливое выражение лица. Он серьёзно кивнул и до предела разогнал духовные каналы Методом Созерцания Луны. Его взгляд вспыхнул ровным, чистым светом, подобно полированному серебру.

— Держись позади и береги себя, — вполголоса бросил Шэнь Цинчжоу.

Спорить с ним Мэн Сю не стал — послушно скользнул за спину старшего, приготовившись к худшему.

Кругом простиралось безмолвное серое марево. Ключья тумана лениво перетекали с камня на камень, напоминая гигантскую паутину, раскинутую в ожидании неосторожной жертвы.

Шэнь Цинчжоу перехватил рукоять Меча Влекущего Тень. В тот же миг клеймо на его запястье обожгло кожу яростным, почти нестерпимым жаром. Клинок, печать и сам практик слились в единое целое — великая духовная река хлынула по каналам, связывая их воедино.

Вдруг он замер как вкопанный и резко обернулся к спутнику.

— Чувствуешь? — одними губами спросил Шэнь Цинчжоу, затаив дыхание и усмирив бег крови.

Мэн Сю растерянно моргнул:

— Что именно?

Шэнь Цинчжоу окинул взглядом каменистую тропу:

— Земля... она дрожит.

— Да ну? — Мэн Сю недоверчиво притопнул ногой. — По-моему, всё тихо.

Шэнь Цинчжоу закрыл глаза, вслушиваясь в биение недр. Тончайшая, едва уловимая вибрация поднималась от подошв к самому темени. Не сильная, почти призрачная, но от неё почему-то дыбом вставали волосы на затылке, а к горлу подкатывал липкий страх.

— Нет, это не земля... — прошептал он. — Это духовные токи. Вся гора Чанъян дрожит изнутри!

Мэн Сю скептически прищурился:

— Дядюшка, вы хотите сказать, что способны охватить духовным взором целую гору?

«Вообще-то нет», — мысленно признался Шэнь Цинчжоу. Однако он готов был поклясться чем угодно: колоссальные потоки заточённой под камнями энергии прямо сейчас содрогались в диком ритме.

Чужая сила билась о каменные своды, подобно яростному прибою. Сила этих толчков была такова, что духовное море самого Шэнь Цинчжоу пришло в волнение — чужеродная частота заставила каналы взвыть от тупой боли, а внутренности словно перекутило узлом. К счастью, клеймо на запястье и меч мгновенно отозвались, гася опасный резонанс.

— Дядюшка Шэнь, вам худо? — встревожился Мэн Сю, заметив, как стремительно сошла краска с лица спутника. Теперь он и сам понял: дело дрянь.

— Там, внизу... — процедил сквозь зубы Шэнь Цинчжоу. — Что-то поднимается на поверхность!

Мэн Сю, у которого от паники на миг отключился разум, брякнул первое, что пришло в голову:

— Бежим?

— Куда ты побежишь, дурья твоя башка! — Шэнь Цинчжоу едва не расхохотался от нелепости вопроса. — Назад! Живо!

Белая пелена впереди внезапно сгустилась, точно пытаясь скрыть неведомое таинство. Из

непроглядных глубин тумана медленно, словно малый холм, рос исполинский силуэт.

Действо разворачивалось величественное и жуткое, но при этом пугающе бесшумное. Ни единого грохота, ни треска ломающихся скал.

Тень приближалась. Когда до неё оставалось не больше тридцати шагов, путники наконец разглядели гостя.

Перед ними высился колосс, вылепленный из сырой земли и глины. Чресла его прикрывали прелые листья и остатки истлевших шкур неизвестных зверей. Грубые, высеченные в грязи черты лица застыли мёртвой маской. Тяжело переставляя неповоротливые ступни, голем беззвучно шагал вперёд, увязая в каменистом крошечье, словно в болотной жиже.

В руках чудовище бережно держало человеческую голову.

Едва завидев её, Шэнь Цинчжоу перестал дышать. Безжизненный лик с запавшими глазницами казался древней мумией: веки плотно сомкнуты, скулы остро очерчены под иссохшей, пергаментной кожей, губы бледны, а лицо отливало мертвенной желтизной. Этот человек, казалось, испустил дух много веков назад.

Но Шэнь Цинчжоу знал наверняка: в этой плоти теплится жизнь.

Ибо пред ними была голова великого Синтяня.

Глиняный колосс замер. Синтянь медленно приподнял веки, и мутные, подёрнутые дымкой глаза уставились прямо на Шэнь Цинчжоу.

Исполин поднёс голову ближе к груди, чтобы поверженный бог мог получше рассмотреть незваных гостей.

— Куньюй... — раздался хриплый, скрипучий голос, похожий на шорох разрываемой парчи. Он с трудом выдавливал звуки — горло не знало дела тысячи лет. — Куньюй, это ты?..

У Шэнь Цинчжоу нервно дёрнулся уголок рта. Что ж, превосходно. Ещё один древний владыка, знающий его прежнее имя.

Игнорируя изумление Мэн Сю, он сделал два шага вперёд и с тихим щелчком вернул меч в ножны.

— Это я, — негромко отозвался Шэнь Цинчжоу. Немного помедлив, он почтительно добавил: — Приветствую вас, почтенный Синъяо.

Синтянь сухо, безрадостно усмехнулся:

— Синъяо... Обезглавленный, убогий... То не моё имя, а лишь прозвище, что дали мне после кончины. Зови меня просто Синтянем.

— А ваше истинное имя?..

Гигант утомлённо прикрыл веки:

— Позабыл... Да и пустое это. Пусть будет Синтянь.

Слушая эту неспешную беседу двух старых знакомцев, Мэн Сю переводил ошарашенный взгляд с одного на другого. В его голове воцарился полнейший хаос.

Синтянь! Живой! Так вот почему великий топор упрямо отказывался признавать нового хозяина — старый-то, оказывается, и не думал отходить в мир иной! Но если великий воитель уцелел и даже способен управлять глиняными куклами, отчего за столько веков никто и словом об этом не обмолвился?

А дядюшка Шэнь?! Когда, во имя всех предков, скромный глава Терема успел сойтись с легендарным богом войны?! Коли у него тут такие связи, к чему были все эти шпионские прятки и осторожные шажки по тропе?!

Мэн Сю чувствовал себя бродячим шутком, которого выставили на посмешище в дешёвом балагане.

— Ты здесь, — медленно проскрипел Синтянь. — А где господин Бучжоу?

Шэнь Цинчжоу осторожно приподнял рукав, показывая темнеющее на запястье клеймо:

— Он со мной.

— Вот как... славно... — Синтянь соображал на удивление туго. Лишь спустя минуту он продолжил: — Печать Цзи Сюаньюаня крепка, мне следовало спать вечным сном. Но недавно Нефритовый свиток Гор и Морей пришёл в движение. Это и пробудило меня.

«Ещё один свиток? — Шэнь Цинчжоу внутренне содрогнулся. — Сколько же этих реликвий я раздал в прошлой жизни?»

К тому же то, как спокойно Синтянь помянул Жёлтого Императора по имени, наводило на странные мысли. В его хриплом голосе сквозила вековая обида, но не было слепой ненависти,

какую обычно питают к убийце.

— Что стряслось со свитком? — спросил Шэнь Цинчжоу.

— Я не силен в тонкостях магии, — вздохнул Синтянь. — Но в этой реликвии сокрыта искра души матушки Си-ван-му. Опасаюсь, как бы с ней не приключилось беды. Прошу тебя, Куньюй, соверши паломничество к Нефритовой горе.

Древний воин с трудом повернул мутный взор в сторону съёжившегося Мэн Сю.

— Этот юноша, что пришёл с тобой... — добавил Синтянь. — Он несёт моё оружие. Ступайте на Нефритовую гору. Когда вернётесь, я отдам ему свой щит.

<http://bllate.org/book/18428/1866927>